

Уже стало притчей во языцех, что нынешний кризис порожден блокирующими экономику диспропорциями в ее финансовом слое.

Денег в мире сказочно много, но они замерли в «мешках» очень узкого круга лиц, перекочевав туда окончательно при активнейшем содействии кредитного пиршества, которым цивилизованный мир жил все последние годы.

Поразительно, но никто всерьез не размышляет об абсурдности ситуации, к которой привело это пиршество: производитель для того, чтобы что-нибудь произвести, должен взять кредит, а потребитель для того, чтобы что-нибудь потребить, тоже должен взять кредит. Мы всегда считали, что производство само является источником благосостояния, а теперь, в XXI веке, пришли к мысли, что оно без кредитных инъекций просто
не в состоянии крутить свои ржавые шестерни. И это – не беда экономики: это – беда нашего трансформированного экономического сознания. Если мы считаем нормальным, что оборотный капитал предприятий является, по существу, кредитным, то мы должны это делать с ясным пониманием того, что проценты, снимаемые с такого капитала кредитными учреждениями, ничего иного, кроме нарастания диспропорций в финансовом слое экономики, не создают. А если к этому добавить еще и гипертрофированные потребительские кредиты, которые с точки зрения осмысленной экономики являются просто чистым безумием, то мы и получим ситуацию, наблюдаемую нами теперь. Это – ситуация, когда деньги фактически полностью отделились от экономики и зажили своей виртуальной жизнью, надуваясь и лопаясь в различных фондовых пузырях.

Эйфория кредитного пира сыграла злую шутку с потребителями: никто всерьез не

думал, что, потребляя сейчас значительно больше, чем заработал, ты не сможешь потреблять завтра ровно на эту же величину (да еще с процентами). В итоге совокупное опережающее потребление превысило критическую величину, начиная с которой кредиторам стало ясно: сектор кредитуемых захлебнулся своими долгами. Вот тут и наступило «похмелье».

Но все вышеописанное является уже общим местом для всех, кроме владельцев вышеупомянутых денежных мешков и связанных с ними общественных институтов, поэтому в своих попытках справиться с кризисом они напоминают доктора, который пытается лечить наркомана, прописывая ему наркотики. Хотя путь выхода очевиден. Нетрудно ведь понять, что необходимо избавиться от сложившихся диспропорций, вернуть деньги в экономику. Но как? Некоторые ждут, что обладатели мешков неожиданно для самих себя развяжут их, и потечет оживляющая финансовая река. Эти ожидания вряд ли стоит комментировать. Другие уповают на государственные машины, которые будут поддерживать реальный сектор стимулированием спроса. И мы видим, что такие меры, принятые властями в начале кризиса, привели к временному снятию остроты ситуации. Но беда в том, что они не решают ее в принципе, поскольку не ликвидируют проблему долгов и финансовой опустошенности реальной экономики, а подменяют одни долги другими. А также, что совсем уж нелепо, пытаются наполнить покосившийся из-за невозвращенных долгов кредитный сектор подлежащими возврату деньгами в наивной надежде, что эти деньги широкой рекой польются в экономику. Паллиатив такого подхода достаточно быстро стал понятен, поэтому неудивительно, что власти сейчас сворачивают программы поддержки. И горевать об этом не надо, поскольку программы эти в конечном итоге бессмысленны: долги долгами не лечат.

Лекарство тут на самом деле простое, но очень неприятное. Во-первых, долги нужно ликвидировать в самом прямом и непосредственном смысле. Т. е. просто напечатать деньги общим номиналом, равным сумме долгов, и раздать их безвозмездно (безо всяких обязательств возвращать их кому бы то ни было, и не оформляя эту сумму в виде государственного долга) кредиторам под единственное и непременное условие – списать все задолженности всех должников. И не следует при этом разбираться, хороших мы должников прощаем или плохих, поскольку в условиях кредитной вакханалии и хорошие стали плохими. Во-вторых, необходимо столь же простым способом напечатать еще денег (возможно, достаточно много) и вводить их в экономику со стороны потребителей (опять же не оформляя их как чьи бы то ни было долговые обязательства), но не путем раздачи пособий по безработице (как в США), а посредством организации общественных работ. Что это могут быть за работы? В развитых экономиках они могут быть любыми, вплоть до посадки цветов на полях, лишь бы деньги пошли потребителям и оживили реальный сектор. Чем чреват такой способ лечения? Конечно же, фактической девальвацией валют. Но как, ответьте, иначе устранить чудовищные диспропорции в условиях, когда никто не собирается развязывать пресловутые денежные мешки? Дожидаться, пока тоненькая струйка, истекающая из них, наполнит экономику? Инфляцией всегда пугают неимущих, объясняя, почему им нельзя давать много денег, но это верно, когда в стране нет ни товаров, ни готовых к их выпуску и ждущих только спроса мощностей. В условиях, когда есть и то, и другое, инфляция возможна, но разрушительной она может стать лишь при

прямом противодействии владельцев товарно-производственного сектора. Заинтересованы ли они в этом? Это – уже вопрос об аффилированности с ними нынешних обладателей омертвевших финансовых ресурсов…

В любом случае, мне кажется, что это – реальная альтернатива нынешним попыткам что-то изменить, ничего не меняя. А что касается новой экономики, о которой сейчас модно рассуждать, то она должна включать в себя два фундаментальных принципа: как минимум, жесткое кредитное регулирование, исключающее нарастание долгового вала, и нормативное ограничение размеров сбережений. Последнее может показаться неожиданным, а для либерального уха – даже кощунственным, но новая экономика должна быть новой в фундаментальном смысле, а не в смысле новых названий для старых схем.

В отношении же России все обстоит намного сложнее из-за неразвитости производственного сектора, работающего на внутренний рынок, и чрезмерной зависимости от внешних рынков, делающей нас их абсолютными заложниками. Мы способны влиять на ситуацию только в пределах этого «внутреннего» сектора. Но это – тема для отдельного разговора.

Источник: Fintimes.km.ru